

Тронешь
одного —
и будешь
иметь дело
со всеми.

Дом Пепла

— Мэй —

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Мэй
Дом пепла

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мэй

Дом пепла / Мэй — «Эксмо», 2024 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-199080-0

На болотах Нового Орлеана всплывает труп, и последний, кто видел жертву живой — Даниэль Эш. Его семья известна колдовскими корнями, и сам он может чувствовать духов-лоа. Он никого не убивал, но хочет узнать, кто это сделал. Ведь древние силы предостерегают об опасности для его семьи. Сказка начинается с «однажды, давным-давно». Южная готика начинается с «ты не поверишь в это дерьмо!». Роман от Мэй, автора популярной трилогии-ретеллинга «Боги в свете неона», в основу которой лёг миф об Аиде и Персефоне. События романа развернулись в Новом Орлеане: здесь верят в вуду и практикуют колдовство. Отражение реальных городских локаций, детективная линия, семейные сцены, ритуалы и общение с призраками. Главные темы романа — братские узы, принятие потерь и взаимоподдержка. На форзаце расположилось генеалогическое древо главных героев. Иллюстрация на обложке и семейное древо нарисовала художница JeR.

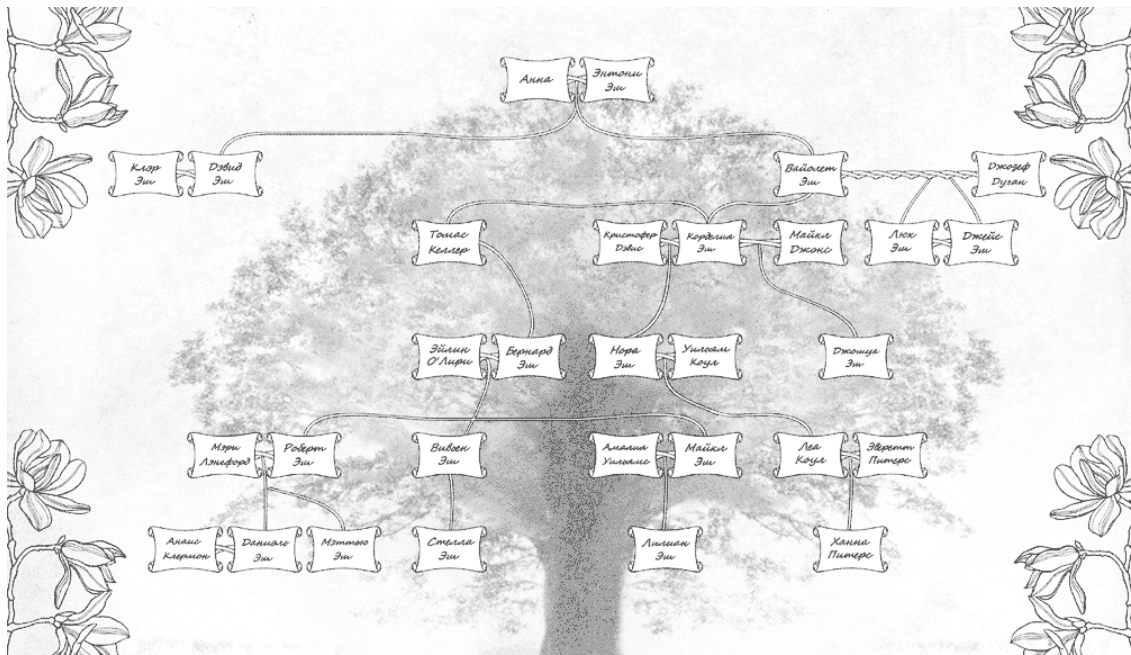
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199080-0

© Мэй, 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

0. Чертовы Эши	6
1. Аминь	9
2. Я ваш бог	16
3. Плавающие гробы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мэй

Дом пепла

© Мэй, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

0. Чертовы Эши

Над Новым Орлеаном бушевала гроза, когда на болотах всплыл труп.

Его могли не найти или аллигаторы сожрали бы раньше, но болота оказались близко к дороге. Парень и девушка направлялись в Батон-Руж, чтобы хорошенько оттянуться в пятницу вечером, когда заметили в грязи человека. Они решили, ему нужна помощь, а едва поняли, что животные успели попробовать его лицо, вызвали полицию.

Детектив Уилл Беннетт подумал, что свидание у парочки явно не удалось. Он бы мог посочувствовать им, как и раздутому, слегка не целому трупу, местами покрытому тиной, но отказался от эмпатии еще лет тридцать назад, когда только начал работать в полиции.

День клонился к закату, но жара не спадала. Рубашка противно липла к спине, темные очки защищали от беспощадного солнца. Уилл вяло отмахивался от moskitov и смотрел на труп и сновавших вокруг полицейских.

Он не любил поножовщину на улицах, терпеть не мог разборки группировок, но больше всего ненавидел именно это. Мутные душные болота с полусъеденными трупами. Особенно в подобном месте.

– Мы знаем, кто это.

Напарница подошла бесшумно и говорила, как всегда, деловито. Джесси собирала волосы в строгий хвост и мало улыбалась. С тех пор как появилась в управлении, слыла тем еще бойцом, вцеплявшимся в дела и доводившим до конца. Порой Уиллу казалось, это она старшая и приставлена к нему как опытный коллега.

– При нем нашлись документы. В водонепроницаемой обложке.

– Везет же!

Джесси посмотрела так, будто не поняла, что он шутит. Или не одобряла шуток. Уилл вздохнул. По опыту он знал, если где-то повезло, значит, дальше полная жопа.

– Бенджамин Тайлер, двадцать восемь лет, журналист в «Таймс-Пик». Живет один в Уэстгейте. Умер меньше суток назад, перерезали горло.

– Прошу, скажи, что тело просто привезли на машине.

– Дождь почти всё размыл, но судя по тому, что удалось обнаружить, его убили прямо здесь, а потом оттащили к болоту.

– То есть кровь была на этой дороге?

– Ну... да, конечно.

– Погано.

Джесси приподняла идеально очерченные брови. Наверняка подкрашивала. Жена Уилла тоже так делала. Он пояснил:

– Это скверное место. Кровь здесь ни к чему хорошему не приводит.

– Я не верю в суеверия.

– Это Новый Орлеан, придется поверить.

Джесси сжала губы, но сдержала хлесткий ответ. В конце концов, о подобном они говорили много раз. Она приехала из Чикаго, где неплохо справлялась, но потом попросила о переводе и оказалась в Луизиане. Сплетники уже почесали языком, что дома у Джесси случился какой-то неудачный роман. Уиллу было плевать, главное, управление нашло отличного сотрудника в лице Джесси, а он – напарницу.

Но верила она в факты и ни во что больше.

– Дурное место, – повторил Уилл, кивая в такт оглушительному кваканью лягушек. – Кровь на перекрестке.

– Местные тут дьявола вызывают?

Уилл хмыкнул:

– Многие верят, что в Новом Орлеане дьявол может и ответить. Это Марселевый перекресток. Считается, здесь хорошая энергия, чтобы творить ритуалы.

– Вуду?

– Ага. Общаться с лоя, местными духами.

– Думаешь, Бенджамина Тайлера убили лоя? Вряд ли они способны держать в руках нож.

– Мистер Тайлер был здесь не один. Кто знает, чем они занимались и что пошло не так?

Уилл, конечно, был суеверен. Смотря на невзрачный перекресток, от которого отходила грунтовка, детектив невольно скрещивал пальцы в кармане в охранный жест, которому научила мать. Что бы ни думала Джесси, древнее колдовство растекается под кожей местных, просачивается сквозь поры кожи, привлекает лоя, готовых танцевать с чужими душами.

И всё-таки Уилл понимал, что убивают люди. Может, у них за спиной и стоит дьявол, но удар наносит человек.

– Орудие убийства? – спросил Уилл.

– Не нашли. Тело всплыло из-за грозы, нож наверняка на дне болота. Но водолазы сказали, что работать здесь не могут и подробно опишут все причины после нашего официального запроса. Как обычно. Ещё я связалась с «Таймс-Пик», мистер Тайлер сегодня не явился на работу. А вчера ушел в добром здравии и планировал встретиться со старым знакомым.

– Возможно, его друг. Или потенциальный убийца. Имя известно?

– Даниэль Эш. Двадцать восемь лет, пишет книги и работает в семейной компании. Они дистрибьюторы алкоголя в Луизиане.

– Подождите-ка... Эш?

– Даниэль Нейтан Эш.

– О боже. Проклятье.

Джесси каждый раз морщилась и, кажется, так и не привыкла, что здесь часто поминают и проклинаят бога одновременно.

– Эши, – вздохнул Уилл. – Потомки плантаторов, богатеи из Садового квартала. Но хуже того, всем известно, что они колдуны.

Джесси пожала плечами:

– У меня есть адрес, зададим ему пару вопросов.

Меньше всего Уиллу Беннетту хотелось связываться с Эшами. Он в последний разглянул на труп и отмахнулся от назойливого москита. История всё больше начинала пахнуть кровью для лоя и жертвенным ромом, которым кропят могилы.

– Чертовы Эши...

1. Аминь

Уилл Беннетт и Джесси Крейн сидели в машине перед нужным домом. Солнце почти скрылось за горизонтом, на улицах загорались огни магазинов и лавок, мерцали фонари.

Уилл не торопился встречаться с Эшем, да и кондиционер в машине работал отлично, а снаружи наверняка только-только свежело. Джесси сосредоточилась на телефоне, считая, что к встрече нужно подготовиться. Уилл сейчас радовался ее въедливости, которая позволяла немного подождать в прохладе.

– Престижный район, – хмыкнул Уилл, рассматривая улочку.

В паре кварталов отсюда раскинулся Центральный деловой район, так что квартира должна была стоить приличных денег. Надежное каменное здание, собственная парковка.

Насколько знал Уилл, у Эшей имелся особняк в Садовом квартале, и старик Бернард Эш до сих пор был жив, хотя делами управлял сын Роберт, как подсказала напарница.

– Даниэль его внук, – зачитывала Джесси. – Не женат, живет один. Обучался в семинарии...

– Seriously? Будет про бога рассказывать?

– Вряд ли. Семинарию он бросил, позже получил степень в области искусства, опубликовал несколько мистических триллеров. Полицией задержан ни разу не был, ни за что не привлекался. В отличие от его младшего брата, у которого богатый послужной список. Мелкое хулиганство, драки, хранение наркотиков.

– Думаешь, он тоже мог быть знаком с Бенджамином Тайлером?

– Если потребуется, мы выясним.

– Не хотел бы я копать под Эшей.

Джесси закрыла телефон:

– Потому что они богаты и пользуются сомнительной репутацией?

Уилл помолчал, собираясь с мыслями. Мимо прошла стайка людей с фотоаппаратами, наверняка туристы, которые заплутали в поисках Бурбон-стрит.

– Лет пятнадцать назад была одна история, – сказал Уилл. – Нехорошая история. Я стал детективом, живо интересовался делами. Так вот, тогда умер кто-то из Эшей. Вроде бы один из сыновей этого Бернарда. Убийство. Ему пустили пулю в грудь, вроде как случайный грабитель.

– Случайный? – фыркнула Джесси. – С такими людьми как Эши?

– Вот именно, не сходилась. Да и дело было каким-то странным. Но хуже всего, что его замяли. Этот Бернард Эш был тем еще ублюдком, при деньгах и связях. Черт знает, почему он не хотел толкового расследования смерти сына. Но даже тогда я понимал, что дело дурно пахнет. Так и осталось нераскрытым.

– Вряд ли к Даниэлю Эшу имеет отношение смерть его дяди, – практично заметила Джесси. – Он сам тогда был юнцом.

– Да я не о нем. А о том, что лезть к Эшам так себе идея, а связи у них имеются.

– Мы же ни в чем не обвиняем. Это даже не допрос. Просто приехали поговорить и восстановить последние часы жизни Бенджамина Тайлера.

Внутри дом оказался таким же аккуратным и неуловимо дорогим, как и снаружи. Даниэль Эш жил на последнем этаже, и, нажав на звонок, Уилл запоздало подумал, что неженатый парень вряд ли будет торчать дома в пятницу вечером. Но им повезло, дверь распахнулась быстро.

Даниэль Эш оказался невысоким, довольно худым и не особо мускулистым. Он стоял босой, в джинсах и белой рубашке с закатанными рукавами. Темные волосы аккуратно причесаны и казались чуть влажными, будто он недавно принимал душ. Вытянутое лицо, заостренный подбородок, но больше всего внимание привлекали глаза – черные и как будто чуточку нездешние. Они почему-то напомнили Уиллу темную муть болот.

– Добрый вечер. Чем могу вам помочь?

Вежливый мальчик из хорошей семьи. Учившийся в семинарии и получивший степень по искусству. Располагающий деньгами, чтобы жить в подобном районе.

– Мы из полиции, нам нужно поговорить с вами.

При упоминании полиции многие люди инстинктивно пугались, но Даниэль спокойно кивнул и пропустил детективов в квартиру. За то время, что они успели поработать вместе, обычно именно Джесси вела разговор, Уилл же оставался молчаливым наблюдателем. Отчасти, конечно, потому, что он не умел разговаривать с людьми. В основном потому, что предпочитал смотреть, изучать реакцию собеседника.

Квартира оказалась небольшой студией: пространство со светлыми стенами, деревянным полом и белой мебелью. Без кровати – вместо нее лежал матрас. Другой угол прятался за стеной, видимо, там ванная с туалетом. Кухонная зона отделялась барной стойкой. Именно туда направился Даниэль, когда Джесси согласилась на предложенный чай.

Аккуратный хозяин дома.

Джесси уселась на диван, когда Даниэль принес чашки и пристроился в кресле напротив. Он бросил быстрый взгляд на стоявшего Уилла, но ничего не сказал. Тот уже успел осмотреться.

Обычная квартира, которую наверняка обставлял дизайнер. Правда, то тут, то там Уилл видел детальки именно хозяина дома. На полке стояла початая бутылка бурбона и два стакана. Похоже, в одиночестве Даниэль не пил, но, судя по слою пыли на стекле, гости заходили давно.

Одежду Даниэль не раскидывал, несколько книг на полке стояли очень аккуратно. По большей части какие-то художественные альбомы. Тут же пристроилась электронная книга. А рядом с ней – статуэтка Дружищи Христа из фильма «Догма» с повешенными на него яркими нитями бус Марди Гра.

Над дверью в туалет аккуратно выведенные буквы: «In nomine patris, et Filii, et Spiritus Sancti»¹.

Кажется, Даниэль находил это ироничным и вряд ли возносил молитву, прежде чем пил бурбон.

Когда-то давно Уиллу случилось поработать с напарником, который верил во всякое колдовство. Он рассказывал, куда смотреть. Поэтому Уилл заметил на полу плохо стертый меловой круг и несколько мелких перьев. Уилл мог поспорить, что хозяин дома знает, как выписать знаки-веве для призыва лоя.

Уилл сел рядом с Джесси как раз в тот момент, когда она сообщала о смерти Бенджамина Тайлера, а Даниэль подтвердил, что это его друг.

– Мы знакомы очень давно. Вместе в семинарии учились. Да, я видел его вчера. Мы выпили в баре и разошлись около девяти часов.

Известие о смерти, кажется, не слишком его потрясло. Глаза чуть расширились от удивления, но в остальном он казался спокойным. Хорошо держал себя в руках, или его правда ничуть это не трогало.

Вот здесь Уилл не мог утверждать наверняка. Ему приходилось пару раз встречаться с богатенькими мальчиками, и он знал, что их отлично дрессируют не показывать эмоции.

Джесси достала из кармана фотографии с моментальной камеры, на которых был запечатлен труп. Не особо приглядное зрелище, зато могло помочь прояснить некоторые детали.

– Посмотрите, при вашей встрече мистер Тайлер был одет в ту же одежду?

На самом деле Джесси больше интересовала реакция Даниэля на фото. Некоторые убийцы не беспокоились, когда им говорили о жертве, но видеть ее, особенно спустя сутки после болота, – совсем другое дело. Наверное, это было не слишком этично, но Уилл считал, что сопереживать лучше будет героям сериалов. В отличие от Джесси, он не воспринимал всех по умолчанию виновными, но и не отрицал такой возможности.

Даниэль взял фотографии и начал медленно их просматривать. С удивлением Уилл понял, что руки у Даниэля заметно дрожат, он едва ли дошел до третьего кадра, когда выронил фото на прозрачную низенькую столешницу.

– Простите... я не люблю... виды трупов.

Даниэль побледнел так, что губы сливались с лицом, сцепил руки вместе, но всё равно было заметно, что его трясет. Он зажмурился, опустил голову и часто дышал, как будто ему не хватало воздуха.

Кажется, Джесси растерялась, поэтому Уилл поднялся и пошел на кухню, чтобы налить стакан воды. Немытых чашек не обнаружилось, они все стояли в шкафчике, рядом с банкой кофе и огромной с солью – для готовки или ритуалов.

Уилл обратил внимание, что чашки одинаковые, кроме одной, с надписью «брату-засранцу». Он взял стакан и налил воды. Когда вернулся, Джесси успела убрать фото, а Даниэль – более-менее прийти в себя. Воду он взял с благодарностью.

Уилл переглянулся с Джесси. Она задала еще несколько вопросов, но по всему выходило, что Даниэль и Бенджамин сидели в баре, потом разошлись – и больше его живым не видели. Предстоит проверить тот бар, может, повезет с камерами.

– Спасибо за помощь, мистер Эш, мы еще свяжемся с вами.

– Просто Даниэль. Мистером Эшем зовут моего отца.

Покинув квартиру Даниэля, Уилл и Джесси молча спустились к машине, причем напарница уже достала телефон и что-то искала.

---

¹ Богословская фраза «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» (лат.).

– Парень точно не притворялся, – заметил Уилл, усаживаясь на сиденье водителя и включая кондиционер. Божественная прохлада! – Я даже подумал, не придется ли вызвать ему врача. Думаешь, он запаниковал из-за того, что знает что-то?

– Возможно.

Ответ Джесси звучал так, будто она не сомневается, что дело в другом. Она еще смотрела в телефон, ловко что-то щелкая. Потом подняла голову на Уилла:

– Или он не соврал и правда не может видеть трупы. Три года назад Даниэль Эш попал в аварию. Он сломал пару ребер и пережил клиническую смерть, а вот его невеста погибла у него на глазах.

– Гм, – ответил Уилл.

Ему стало почти совестно, и в глубине души даже встрепенулось давно забытое сочувствие.

Даниэль долго сидел у окна, уткнувшись в него лбом и наблюдая, как по стеклу ползут редкие капли. Гроза прошла днем, но сейчас тучи решили пролиться небольшим дождем.

Детективы ушли минут сорок назад, а Даниэль никак не мог заставить себя подняться и начать что-то делать.

Наконец, он взял лежавшие тут же сигареты. Курил Даниэль редко, лишь когда нервничал или хотел отвлечься. Отчасти это помогло, выветрило из памяти фотографии и напомнило о живом Бене.

Он часто улыбался и ни к чему не относился всерьез – в том числе и к магии, которой увлекся в последнее время. Всё хотел, чтобы loa выполняли его желания, и завидовал, что Даниэль так умеет.

– Я родился среди колдунов, – пожимал плечами Даниэль. – Мне было двенадцать, когда дед потащил на кладбище на первый ритуал.

– Аминь! – хмыкал Бен.

Они вместе учились в семинарии, именно Бен постоянно сбегал с занятий и находил травку. Он был одним из тех, кто знал, что Даниэль правда умеет в вуду и колдовство.

Он и сейчас ощущал loa. Весь мир пронизан бестелесными духами, у которых нет сознания как такового. Колдуны могут призывать их ритуалами, заклинять и заставлять исполнять свою волю. Даниэль всю жизнь мог это делать и без обрядов.

Духи всегда рядом с Даниэлем, с самого детства. Отражались в зрачках, оседали на внутренней поверхности черепной коробки, путались в благоухании магнолий.

Они напоминали о доме, о семейном особняке в Садовом квартале. Тот прятался за кованой оградой, скрывался за разросшимися кустами, цветущими по весне. Ограда не могла скрыть дом, насмеялась над самой возможностью. Так и аромат магнолий утаивал запах крови от старых семейных тайн. Ладан на пальцах матери и шепот ее молитв. Бурбон и разговоры о бизнесе отца. Призрак мертвого дяди и шепот loa, незримо касавшихся волос на затылке.

Этой весной магнолии едва ли могли справиться с едким запахом лекарств из комнаты деда.

Перед глазами снова возникли фото трупа, что некогда был Беном. Теперь мертвым Беном. Даниэль резко затушил остаток сигареты, ощущая во рту горький привкус и думая, что его сейчас стошнит.

Впусти меня, и никогда не будешь одинок.

Даниэль тряхнул головой, отгоняя навязчивый шепот. Вытащил из кармана телефон и набрал номер брата. Стоит ему сказать, что Бен мертв. Они тоже были знакомы, хоть и не очень хорошо.

Как ни странно, Мэтт ответил почти сразу:

– Дан?

- Бен мертв. Бен Тайлер.
- Надрался и упал в канаву?
- Перерезали горло.
- Звучит ужасно.
- Звучит?

В трубке послышался какой-то шум, Мэтт вполголоса выругался. Потом громче сказал:

- Я слегка получил по голове, поэтому могу так себе соображать. Кто его убил? Ты?
- Нет. Где ты?
- Недалеко от Церкви.
- Сейчас буду.

Мэтт что-то возразил, но Даниэль уже выключил телефон. Он знал, что Мэтт не любит, когда он включает заботливого старшего брата, но Даниэль ничего не мог с собой поделать. Он уже видел один труп сегодня, и этого достаточно.

К тому же он не хотел оставаться в квартире.

Болота не затихали, а ночью казались даже оживленнее, чем днем. Может, потому что люди наконец-то отступали к домам, предпочитая не соваться в обманчивую тьму.

Даниэль стоял в низкой траве, вглядываясь вперед. Лунный свет очерчивал стволы кипарисов и свисавший с их ветвей испанский мох, шел запах гнили и плотный стрекот множества насекомых.

Они не очень волновали Даниэля, а накинута кожаная куртка защищала от назойливых moskitov.

Даниэль слушал лоа.

Невидимые духи, которые должны доносить просьбы людей до богов. Лоа, принимавшие жертвенный ром, но лучше всего лакавшие живую кровь. Взрежь горло курице, окропи свой алтарь, прикажи лоа – и надейся, что твоя воля окажется достаточно сильна.

Даниэль ощущал лоа всю жизнь и не сразу узнал, что это вообще-то ненормально. Вот и теперь он чувствовал их вокруг, скользящих, едва касающихся кожи, не осязаемо, конечно, но волоски на руках вставали дыбом.

– Дан?

Обернувшись, Даниэль вернулся к дороге, где оставил мотоцикл. Мэтт прислонился к нему, попивая что-то из фляжки. Младше на пять лет, внешне он походил на Даниэля – и на отца, хотя такое сравнение точно бы отверг. Всегда в черном, сейчас он съежился, как от холода. Но вскинул голову и смотрел почти с вызовом, словно это он приехал, а не Даниэль нашел его здесь... слегка потерявшимся, с разбитыми костяшками и рассеченным лбом, кровь из которого почти заливала глаз.

Теперь над бровью Мэтта красовался пластырь, а Даниэль в очередной раз порадовался, что возит с собой аптечку.

– Как ты здесь оказался? – спросил Даниэль.

– Должен был встретиться с девушкой, передать кое-что. Она с друзьями тусовалась в Церкви.

Чуть дальше по дороге стояла полуразрушенная церковь с покосившимся крестом. Ее бросили лет двадцать назад, и она стала любимым местом для сходов с алкоголем.

На обочине валялся распотрошенный матрас и что-то вроде старого кожаного сиденья. Даниэль понятия не имел, их кто-то притащил или попросту выкинул, но уселся.

– Фу, – поморщился Мэтт. – Может, на нем кто-то умер.

– Ты бы почувствовал.

Как Даниэль с детства ощущал лоа, так Мэтт видел призраков. Правда, в отличие от брата, яростно отрицал свое наследие.

Он вздохнул и уселся рядом с Даниэлем:

- Мог и не приезжать.
- Мог и поблагодарить.
- Ты же знаешь, какой я говнюк, – Мэтт пожал плечами.

Даниэль хлебнул из фляжки, и оказалось, это обычный чай с горькими травами. Видимо, один из тех настоев, что прочищал мозги или придавал сил. Мэтт любил смешивать травы и вечно таскал с собой что-то подобное. Большинство таких чаев помогали ему меньше видеть призраков.

– Почему ты их не принимаешь? – спросил Даниэль. – Чем упорнее бежишь от призраков, тем яростнее они нагоняют.

– Ой, не нуди. Что там с Беном?

– Мертв. Ко мне приходила полиция. Кто-то вскрыл ему глотку на Марселевом перекрестке.

– Что он там делал?

– Вызывал духов, конечно.

Хмыкнув, Мэтт откинулся на матрасе на руках и вытянул ноги.

– У Бена возникли проблемы, – сказал Даниэль. – С какой-то женщиной. Он хотел попросить помощи лоя. Упрашивал меня провести ритуал.

– А ты?

– Отказался. Если он не может поговорить с женщиной, духи тут не помогут. Хотя не уверен, что он рассказал мне реальную причину.

– Он же был твоим другом.

Даниэль пожал плечами:

– Мы вместе учились в семинарии, его родители упекли, думали, он исправится.

– Не то что ты, сам туда рвался.

Мэтт отвернулся, даже не пытаясь взять фляжку. Даниэль хотел ответить, но подумал, что сейчас не лучший момент. Он хорошо помнил, как приехал домой на первые каникулы после отъезда в семинарию. Мэтт встретил его хмурым, насупившимся и сразу заявил:

– Ты бросил меня!

Даниэлю так и не удалось доказать, что это не так. Он хлебнул еще горькой настойки из фляжки и продолжил:

– В тот вечер Бен хотел с кем-то встретиться, кто проведет ритуал. На нем и умер.

– Его убили лоя?

– Они духи. Нож держал человек. И я хочу выяснить, кто это был.

– Зачем?

– Такой человек среди нас опасен.

Даниэль не мог толком объяснить. Он чувствовал... беспокойство. Оно притаилось под лопатками, пронизывало позвоночник, свербило в затылке. Плохое предчувствие.

Когда кого-то из Эшей мучило плохое предчувствие, к нему стоило прислушиваться.

– Попроси лоя найти, – Мэтт наконец-то перехватил фляжку.

– Не работает.

– Даже у тебя? Ты единственный, кого я знаю, кто может приказывать лоя напрямую. Они выполняют просьбу.

– Они не знают, кого искать. Они же не псы, чтобы взять след.

– А жаль.

– Справимся человеческими силами. Может, полиция что найдет.

Мэтт фыркнул, выражая этим всё, что он думал о полиции. Он в них не особо верил. Хотя он в принципе ни в кого не верил.

– Так, значит, ты тут из-за девушки, – хмыкнул Даниэль. – Хотя они, я так понимаю, тебя бросили и уехали. Неужели у тебя начала появляться личная жизнь?

– Я ее едва знал.

– Но полез из-за нее драться.

– Не совсем. Отделал ее никудышного братца, раз он там оказался. Он заслужил. И получил больше меня.

Даниэль вздрогнул. И оттого, что это оказался чей-то брат, неужели Мэтт всех братьев считает никудышными? И оттого, что сегодня видел на фото. Мертвое тело с распахнутым глазом, а на месте второго – обглоданный череп.

– Я же его не убил, – заявил Мэтт.

Он легко к этому относился. В отличие от Даниэля, которому пришлось пару раз глубоко вздохнуть, отгоняя мысли о гниющих трупах.

– Лучше бы нормальную девушку нашел.

Вышло грубовато, зато меняло тему. Даниэль поймал себя на том, что вцепился руками в матрас, из которого торчал наполнитель. Когда Мэтт протянул фляжку, Даниэль покачал головой. Он не был уверен, что его руки не будут дрожать.

– У меня есть Хэйзел, – сказал Мэтт.

– Ты с ней еще со школы знаком.

– Пусть мы друзья, но готовы помочь друг другу скоротать вечер.

– Она тебе отсасывает по дружбе?

– И где ты научился таким выражениям?

– В семинарии.

Даниэль вздохнул. Его и правда несло не в ту сторону, и Мэтт не был в этом виноват, не стоило срываться на нем. Хотя отрицания брата Даниэль не понимал:

– А если бы здесь оказался какой-то призрак? Пока тебя кинули, чуть не проломив череп. Бегать от призраков так себе идея. Ты можешь посоветоваться с отцом или дедом...

– Пусть катятся к черту. Все Эши.

– Ты тоже Эш.

– А жаль.

– И я Эш.

Мэтт не ответил, смотря перед собой и сжав челюсть. Потом пробормотал что-то вроде «это другое». Даниэлю казалось, что брат так отчаянно хотел стать самостоятельным, что почему-то решил: к этому относится и разрыв связей с семьей. По крайней мере, со старшим поколением.

– Позвони завтра сестре, – вздохнул Даниэль. – Она соскучилась.

Рассеянно кивнув, Мэтт поднялся на ноги. Он медлил, как будто не решался что-то сказать, но всё-таки спросил:

– Можно переночевать у тебя?

– Конечно.

2. Я ваш бог

– Почему у тебя нет еды?

Даниэль вышел из ванной и спрятал зевок в кулаке, прежде чем посмотреть на Мэтта. Тот стоял перед раскрытой дверцей холодильника и, нахмурившись, смотрел в его полупустое нутро.

– Почему нет? – удивился Даниэль. – Есть сыр.

– Плавленный. Для сэндвичей. Предлагаешь его есть?

– Так хлеб...

– Я его выкинул. Испугался, что плесень на меня нападет.

Даниэль пожал плечами:

– Вот видишь. Хлеб всё-таки был.

Захлопнув холодильник, Мэтт вернулся к стоявшему на плите кофе. Он предпочитал варить сам, игнорируя наличие кофемашины. Даниэль уселся на стул и положил голову на ладони, наблюдая за братом.

– Я редко ем дома.

– Почему? Ты же умеешь готовить.

– Одному это не очень интересно.

Когда-то Даниэлю нравилось варить кофе для Анаис и готовить для нее ужины. После ее смерти купил кофемашину.

В свою чашку Даниэль налил побольше молока и глянул на черный кофе Мэтта:

– Не понимаю, как ты его таким пьешь.

– Бодрит. Может, и тебе попробовать. Похож сейчас на зомби, встал, но не проснулся.

Даниэль снова пожал плечами и пригубил кофе. На самом деле сегодня он спал лучше, чем несколько ночей до этого, но в бессоннице не было ничего необычного. Иногда она случалась.

На диване еще лежало комком постельное белье Мэтта. Он так и не объяснил, почему захотел тут переночевать, но Даниэль не возражал. Наоборот, ему нравилась компания.

Когда Мэтт ушел из дома, ему было лет восемнадцать и первое время он жил у брата, так что квартиру эту знал прекрасно. Он до сих пор иногда заходил и даже оставался, и Даниэль любил эти дни.

Правда, вчерашний вечер омрачили мысли о Бене и его странной смерти. Зато была пицца. Даниэль не рассказывал Мэтту, но пиццу ел только с ним, зачем-то сделав это особым ритуалом.

– Ты сегодня... – начал Даниэль, но Мэтт его перебил.

– Мне на работу к обеду.

– Суббота же.

– Моя смена в книжном, просили подменить.

Даниэль рассеянно кивнул. Он не успел что-то сказать, потому что раздался стук в дверь.

– Кого-то ждешь?

– Может, полиция выловила еще один труп и вернулась.

Даниэль терпеть не мог людей, которые игнорировали звонок, висевший не с той стороны двери, и стучали. В конце концов, двадцать первый век, цивилизацию в город завезли давно, а многие до сих пор варварски стучат!

К удивлению Даниэля, на пороге квартиры оказалась девушка. Симпатичная, в длинном бархатном платье пурпурно-сливового цвета. На груди медальон: Непорочное сердце Марии, пронзенное мечами скорби. Символ милосердия.

Волосы отливали медью и раньше явно были собраны на затылке, но сейчас растрепались, и длинные пряди падали на шею и плечи.

Взгляд девушки казался то ли испуганным, то ли ошарашенным. Большие ореховые глаза выделялись на бледном лице.

– Мистер Эш?

– Даниэль.

– У меня есть дело... Даниэль. Ты можешь помочь. Мне рассказала о тебе мадам Аделаида.

Чернокожая жрица вуду с глухим голосом. Она любила распевать собственные песни, чтобы призывать духов. Даниэль знал: она веселит лоа, и те приходят танцевать с ней. Он сам несколько раз помогал мадам Аделаиде с ритуалами, а она гадала для него на остатках травяного чая.

Не в привычках мадам Аделаиды рассказывать о Даниэле, но он всё равно встречал слишком много людей, которые, как Бен, считали, что колдовством можно решить любую проблему. А Даниэль-то точно проведет для них ритуал и вызовет лоа, надо всего лишь заплатить.

– Думаю, вам лучше обратиться к кому-то другому.

– Нет! – В голосе девушки послышалось отчаянье, она качнулась вперед, чтобы помешать Даниэлю закрыть дверь. – Я обратилась к мадам Аделаиде, и она сказала, что не сможет помочь. Только вы.

– А что нужно-то?

– Дело касается лоа... и моей бабушки. Проще показать. Это на окраине.

Даниэль нерешительно оглянулся на Мэтта, и тот махнул рукой:

– Мне на работу. Ключ от квартиры есть, закрою, когда буду уходить.

Кивнув, Даниэль повернулся к незнакомке:

– Ты на машине, пешком?

– Такси.

– У меня мотоцикл. Имеешь что-то против мотоциклов?

Он глянул на ее длинную юбку, но девушка задрала подбородок:

– Справлюсь.

Новый Орлеан душил жарой и влагой, ветерок иногда доносил аромат цветущих магнолий из Садового квартала. Солнце всюду припекало, как Даниэль ни старался держаться в тени. Машин на дороге в субботу оказалось немного, так что добрались быстро.

Поставив мотоцикл, Даниэль прищурился, разглядывая домик с облупившейся краской. Вдоль дороги виднелось жилье соседей, в кустах копошилась курица, а с другой стороны виднелись деревья и наверняка болота. Аккомпанемент лягушек заглушал даже монотонный стрекот насекомых на одной ноте.

Вчерашний дождь высох, но под крышей в тени осталась небольшая лужица. Почти рядом с ржавым остовом машины с соседнего дома: ни стекла, ни внутренностей не было, а дверца стояла снятой и прислоненной.

Печальный блюзовый голос выводил на хрипящем приемнике песню: «Встретимся там, где поют цикады и прошлые мечты касаются затылка».

– Ты живешь здесь? – спросил Даниэль незнакомку.

Ее волосы совершенно растрепались, она покачала головой:

– В городе. Это дом моей бабушки, но я часто здесь бываю.

Она взбежала на крыльцо и перед двойной дверью с сеткой посмотрела на Даниэля, который не торопился. Он ощущал что-то странное в этом доме. Неуловимое. Подошел к стене, но спросил о самой девушке:

– Как тебя зовут?

– Шарлотта. Стоило сразу представиться... но я хотела, чтобы ты приехал как можно быстрее. Идем!

– Подожди.

Ладонь Даниэля легла на разогретые солнцем доски дома. Тут же он услышал неясные шепоты и ощутил множество лоя, которые принадлежали этому месту. Он отдернул руку.

– Никогда не видел ничего подобного, – пробормотал Даниэль. – Десятки лоя! Как тут можно жить?

Шарлотта спустилась на несколько ступенек, почти оказавшись на земле. Мимо нее с важным видом прошла курица.

– Это началось после смерти деда. Моей семье далеко до Эшей, но я раскладываю Таро, иногда развлекаю туристов на улицах. Бабушка с дедом умели кое-какие ритуалы, у них магазинчик. Когда дед умер, бабушка была у подруги в Александрии. После похорон я начала ощущать тут странное. Но сегодня...

Она тряхнула головой и решительно вошла в дом, Даниэлю оставалось последовать за ней.

Через окна с занавесками проникало достаточно света. Дом оказался удивительно уютным, полным старых вещей и с отслаивающимися под потолком обоями в цветочек. Видно, что всё здесь любили и о доме заботились – по мере сил, которых не всегда хватало.

Даниэль миновал короткий коридор, не стал заглядывать на кухню и мельком заметил лестницу. Вышел в гостиную, которая занимала почти весь первый этаж. Довольно захламленная, со старой мебелью и дверью во двор. Комод покрывала вязаная скатерть, над ним висели несколько распятий. У стены – софа с темным пятном на обивке.

Больше всего внимания привлекала старушка в аккуратном ситцевом платье.

Она сидела на полу в вычерченном мелом круге со знаками, в паре мест стертых, наверняка Шарлотта там садилась. Она и сейчас устремилась к женщине:

– Бабушка! Ты меня слышишь?

Седые волосы распущены, глаза закрыты, дыхание спокойное и размеренное. Она не откликнулась, когда Шарлотта теребила ее за плечо. А на маленьком морщинистом лице не дрогнул ни единый мускул.

– Я нашла ее так! – с отчаянием сказала Шарлотта, не убирая руку с плеча бабушки. – Хотела вызвать врача, но эти знаки... и я почувствовала что-то. Позвала мадам Аделаиду. Она сказала, бабушку увели лоя. Но ей с таким не справиться.

Даниэль рассеянно кивнул. Если бы у него не было тесной связи с лоя, он бы и сам не ручался, что смог что-то сделать. Даже сейчас не был уверен.

– Мне нужны масла, какие были у твоей бабки, и нож. И курица.

Шарлотта ушла за необходимым, а Даниэль внимательно осмотрел комнату. Отмахнулся от лоя, которые вились рядом. Подобрал мел и поправил стертые знаки, чтобы они работали. Круг был очерчен вокруг софы, Даниэль узнал веде Геде – знак лоя смерти.

Отойдя к комоду и распятиям на стене, Даниэль приблизил ладонь к обоям, но не стал касаться. Лоя умели вселяться в предметы, растения, животных. В дома тоже. Но это был бы один дух, а тут теснилось множество! Как будто их призывали, привязывали, но бездумно, преследуя на самом деле иную цель.

Лоя впитались в стены дома, теснились, будто мухи на липкой ленте.

Даниэль глубоко вздохнул. Его взгляд блуждал по развешанным распятиям, а сознание уже настраивалось на работу с духами. Что-то вроде транса, в такой входили все колдуны, чтобы связаться с лоя, но Даниэль мог сделать это сразу.

Ему нужно пройти по обряду, который создала бабушка Шарлотты. Понять его – и распутать.

Шарлотта вернулась, зажав под мышкой пеструю курицу. В руках она держала мел и шкатулку:

– Всё, что нашла.

Даниэль не торопился брать. Он стоял, внимательно смотря на девушку, и она казалась растерянной под его взглядом. Мэтт рассказывал, что в такие моменты Даниэль становится почти пугающим для тех, кто его не знал, – слишком отстраненным.

Он уже ощущал своих лоя. Они ластились к рукам, как оставленный надолго пёс, радовались возвращению хозяина.

Шарлотта стояла, и у нее за спиной возвышалась стена из ее святынь – темных распятий. Даниэль чувствовал аромат яблок и вина, запретный плод и причастие одновременно.

Даниэль открыл старую шкатулку из темного дерева и пробежал пальцами по стеклу пузырьков, подписанных аккуратным почерком. Одного масла не хватало, и Даниэль не сомневался, что флакон где-то рядом с бабушкой Шарлотты.

Ему не требовалось общаться с мертвыми. Он выбрал «Масло подчинения». Открыл, вылил несколько капель на ладони и тщательно растер. Оставил пузырек на комод под крестами, подошел к неподвижной старушке.

– Как ее зовут? Твою бабушку.

– Агата Дюро.

– А деда?

– Джордж Дюро.

– Он умер здесь.

Шарлотта кивнула:

– Один, сердце остановилось. Бабушка уезжала к подруге и вернулась через пару дней. Он просидел на диване всё это время, прежде чем она нашла его.

Взгляд Даниэля зацепился за выцветшую софу с уродливым пятном посередине. Понятно, почему Агата хотела связаться с мертвым мужем именно тут. Этот диван впитал части его тела.

Даниэль нашел спички и зажег оплывшие свечи. Он ощущал восторг лоя, они любили колдовство. А его собственное сердце уже начинало биться в чуть ином ритме, хотя пока Даниэль ничего не слышал.

– *Hic et nunc*², – тихо сказал он.

Лоа замерли в предвкушении. Даниэль чаще всего приказывал им на латыни, когда-то в семинарии это казалось забавным и отдавало юношеским выпендрежем. А потом Даниэль привык.

Он взял из рук Шарлотты птицу, которая встрепенулась, но не пыталась вырваться. Перехватил поудобнее нож.

– Ш-ш-ш, – Даниэль погладил курицу по голове, успокаивая, прежде чем перерезать ей горло.

Быстро сделал разрез, перевернув вниз головой трепыхнувшуюся птицу. Кровь брызнула в первый момент, а потом начала стекать. Даниэль опустил тушку и нож на пол, предлагая лоа жертву.

При обычном ритуале общения с мертвыми подобное не понадобилось бы, но сейчас воздух был почти плотным от лоа, они стекали по стенам, скрадывали всё, так что вернуть Агату Дюро стало невозможным без по-настоящему сильных ритуалов.

Только на крови.

Лоа прильнули к курице, возрадовались ей. В голове Даниэля зазвучали барабаны: древние ритмы, под которые еще его предки возносили жертвы, стремясь создать связь с лоа. Его семья явно в этом преуспела.

Лоа танцевали вокруг. Сердце Даниэля билось вместе с барабанами, которые он слышал. Комната исчезла, растворилась в мареве и шепоте лоа.

Встретимся там, где поют цикады и прошлые мечты касаются затылка.

Встретимся там, где бьют древние барабаны и лоа приникают к жертвенной крови, лакая ее невидимыми языками.

Даниэль не был уверен, это его собственные слова или шепоты лоа – возможно, отголоски человека, который умер здесь. Его призывы, его надежды, его мечты. Те, что сильнее смерти.

Лоа вились в такт барабанам, но их слишком много. Они такие плотные, что почти лишали дыхания. Зато можно было понять, что произошло: Даниэль ощущал запах скорби, чувство вины и горечь потери оседали на языке. Агата хотела связаться с мужем – но у нее не вышло. Она случайно призывала лоа, и те оставались в доме.

Пока их не стало слишком много.

Пока они не увели ее собственную душу в путешествие.

Они не могли ее вернуть.

А она не знала дорогу обратно.

Жертвы не хватало. Силы не хватало. Мареву лоа оказалось слишком плотным.

Барабаны бились в висках, Даниэль дышал неглубоко, поверхностно, грудную клетку будто сжимали. Он сам не понял, как осел на пол. Он мог всё прекратить прямо сейчас, но тогда бы не вернул Агату в ее тело.

Поэтому Даниэль снял с пояса собственный нож с костяной рукояткой. Таскал его с собой, искренне веря, что нет ничего надежнее ножа. Первый подарила ему тётка, когда Даниэлю исполнилось лет семь.

Он коснулся лезвием внутренней стороны руки, чуть повыше запястья. Небольшой разрез, выпустить немного крови, а не истечь ею.

Одна из самых сладких жертв – его собственную кровь лоа особенно любили.

Они взвились, барабаны почти оглушали. На этот раз лоа дома приняли жертву, они затрепетали вокруг него, и Даниэль ощутил среди них душу Агаты.

Он поднялся, стоя перед лоа. Развел руки в стороны.

---

² Здесь и сейчас (*лат.*).

Он приказывал лоя уйти. Вернуть душу Агаты в тело и покинуть дом. Даниэль больше не просил. Он приказывал, и латинские слова срывались с его губ.

«Слушайте, что я говорю. Повинуйтесь мне».

– Ego sum Deus tuus³, – сказал Даниэль, улыбаясь уголками губ.

Лоя исчезли, отхлынули, будто волна. Его собственные продолжали касаться крови, но все те, которые прилипли к дому, исчезли, ушли, оставили это место. Агата на полу охнула, закашлялась. К ней тут же кинулась Шарлотта, помогая: ноги старушки наверняка затекли от долгого сидения.

Даниэля пошатывало от слабости – после ритуалов он всегда чувствовал себя измотанным.

– Тут есть душ?

– Да, наверху. Твоя рука...

– Принеси, чем можно перевязать.

Напор воды оказался слабым, но Даниэль порадовался хотя бы такому. Ему хотелось смыть ощущения чужих видений и липких ладошек лоя – пусть у них и нет рук как таковых. Его собственные духи затихли, хотя не исчезали насовсем. Они пропитывали сам мир. Возможно, сам мир состоял из них.

Смыв с себя остатки колдовства и выйдя из душа, Даниэль нашел на заправленной кровати аптечку и быстро перевязал руку, благо кровь давно остановилась. Комната была небольшой, очень аккуратной, наверняка спальня. Голова кружилась, тело охватывала слабость, но в каком-то смысле даже приятная. Какая бывает после хорошо выполненной работы.

Даниэль зевнул: садиться за руль точно не стоит. Этот ритуал и лоя были слишком сильными.

Он подумал, что можно позвонить Мэтту... но не был уверен, что брат обрадуется. К тому же он работал. Стоит вызвать такси.

Впусти меня, и никогда не будешь одинок.

Даниэль вздрогнул, очнувшись, когда понял, что задремал. Он потер глаза, не понимая, откуда взялся этот шепот. Он преследовал его недавно, исходил от какого-то лоя, но раньше подобного не происходило.

Он слишком устал.

Отложив аптечку на столик, Даниэль улегся на кровать и тут же провалился в сон.

Он проснулся под вечер.

В комнате царил сумрак, за окном снова припустил дождь, скрадывая ощущения времени и пространства. У Даниэля ушло несколько секунд, чтобы вспомнить, где он. На стене негромко тикали часы, показывая, что проспал он почти целый день.

Рука под повязкой не болела, а вот спина затекла от непривычной постели. Даниэль осмотрелся, но мебель в незнакомой комнате походила на массивные темные глыбы, хотя не вселяла ощущения чего-то мрачного.

Деревянная лестница поскрипывала под ногами, пока Даниэль спускался под шипящие звуки джаза с кухни – похоже, играл допотопный приемник. Он стоял на холодильнике, рядом с которым старушка Агата неторопливо нарезала овощи. Шарлотта сидела за столом и перетирала специи в маленькой ступке.

Они обе улыбнулись ему так искренне и открыто, что Даниэль даже растерялся. Тем более уснул в чужом доме. Потом, правда, вспомнил, что это из-за ритуала, в котором он помог Агате.

– Голоден? – спросила Шарлотта. – Есть гамбо.

За пряным густым супом Даниэль почувствовал себя живым. Шарлотта застенчиво сказала, что они не хотели его будить, и посмотрела на бабушку. Агата кивнула:

---

³ Я ваш бог (лат.).

– Ты пожертвовал не только кровь, но и свою энергию. Другие не смогли бы совладать с этими лоа, а тебе понадобился лишь ритуал.

– У меня... высокоскоростной интернет, но с посекундной тарификацией. Выматывает больше обычного.

– Ты их видишь? Лоа.

– Чувствую. Но не мертвецов, духов. Дар призраков достался моему брату, а вот с лоа он не очень ладит.

Даниэль догадывался, о чем хотела спросить Агата: был ли рядом дух ее покойного мужа? Остался ли он где-то здесь или исчез насовсем? Даниэль, правда, полагал, что дело не в том, ушел ли дух, а смогла ли отпустить его Агата. Или он будет ждать где-то рядом, когда она к нему присоединится: для призраков время не имеет значения.

– Спасибо, Даниэль Эш, – сказала Агата так искренне, что Даниэль смутился. – Без тебя мой дух потерялся бы, а тело умерло.

– Не пытайся больше.

– Да, ты прав. Моего дара недостаточно, поэтому и вышло совсем не то, что я хотела.

Она покачала головой и вернулась к нарезке овощей. Даниэль взял со стола и покрутил в руках звездочку аниса. Сами собой вспомнились слова прабабки, которая утверждала, что анис – цветы дьявола.

Даниэль почти не помнил Корделию Катерину Эш, в его памяти осталась морщинистая кожа, касавшаяся его детской щеки в поцелуе. Будто пергаментом проводили. И тонкие высохшие руки, которые вряд ли часто вертели звездочки аниса. Зато отлично отрезали куриные головы.

Такой прабабка и запомнилась – с кровью на морщинистых ладонях и словами о дьяволе.

Раскрошив меж пальцев звездочку аниса, Даниэль почувствовал его запах. Интересно, так пахнет дьявол?

– Моя прабабка ненавидела анис, – сказал он.

Агата хмыкнула:

– Корделия Эш? Ты помнишь ее?

– Не особо. Мне было пять лет, когда она умерла.

– Она была очень известна в определенных кругах. Во времена моей молодости ею пугали и рассказывали, будто она призвала и связала сильного лоа, который должен защищать ее семью.

Даниэль пожал плечами:

– Если это так, я не видел этого лоа. А духам довольно сложно от меня скрыться.

– Но ты не глава семьи. Не преемник главных колдовских тайн. Может, и к лучшему. Сделки с дьяволом никогда не заканчиваются хорошим.

Даниэль снова посмотрел на звездочку аниса и подумал: видит ли какого-то особого лоа дед Бернард? Он сейчас глава семьи. И у него такой же дар, как у Даниэля. Правда, он не расскажет, даже если эти слухи правдивы, – конечно же, Даниэль слышал их раньше и точно спрашивал. Дед неизменно хмыкал и заявлял, что у Эшей много тайн, которые покоятся во мраке и в земле, и не все из них стоит раскапывать.

– Вы ведь многих знаете? – спросил Даниэль. – Тех, кто может проводить ритуалы.

– Почти всех.

– Я хочу знать, кто позавчера вечером проводил ритуал на Марселевом перекрестке.

– Наведу справки. Либо мадам Аделаида знает, либо знает того, кто в курсе. Это самое меньшее, чем я могу тебе отплатить. А Шарлотта, если захочешь, сможет разложить тебе карты Таро или заглянуть в кристаллы.

– Пока я бы предпочел традиционные методы.

Агата кивнула и ловко начала стучать ножом по доске с перцем.

– Скоро будет готова джамбалайя, тебе лучше плотно поесть, чтобы восстановить силы. И твой телефон звонил несколько раз.

Даниэль кивнул. Выезжать в дождь всё равно было ужасной идеей, да и возвращаться в квартиру не хотелось. Стоит проверить, кто ему звонил, но пока всё шло не так уж плохо.

3. Плавающие гробы

– Вы видели плавающие гробы?

Мэтт поднял голову и взглянул на посетительницу магазина. Она стояла перед прилавком, сжимая в руках несколько книг, которые выбрала на полках, но смотрела на Мэтта с таким воодушевлением, будто спрашивала о скидках на распродаже.

– А вам так хочется гроб? – поинтересовался Мэтт.

Женщина словно смутилась, но, скорее всего, не поняла, о чем он. Похоже, решила, что лучше вести себя как начала.

– Это же так интересно! Говорят, из-за сильных дождей смыло землю на кладбище и по улицам плавают гробы.

Мэтт присмотрелся к книгам в руках женщины: какие-то альбомы по истории Нового Орлеана. Видимо, туристка. Вообще-то книжный стоял в стороне от популярных городских достопримечательностей, но иногда даже сюда доходили приезжие. Чаше измотанные жарой, но порой и восторженные, как эта.

– На наших кладбищах хоронят в склепах над землей. Нечему всплывать.

Мэтт протянул руку, и женщина посмотрела на него недоуменно. Потом спохватилась и подала книги.

– Значит, это всё слухи? Никаких плавающих гробов?

– В полночь на перекрестке может и проплыть.

Женщина молчала, кажется, не понимая, шутит Мэтт или говорит всерьез. Он и сам не был уверен, поэтому молча оформил покупки. Пока женщина прикладывала кредитку, чтобы расплатиться, Мэтт заметил краем глаза, как еще одна покупательница, старушка в выцветшем платье, тянется к домику, красовавшемуся в витрине.

– Эй, аккуратно, это нельзя трогать!

Туристка посмотрела на Мэтта, потом на старушку и больше не произнесла ни слова, пока Мэтт убирал книги в пакет. Протянув их, он решил всё-таки проявить немного вежливости – и черного юмора, пусть потом рассказывает дома, какие чудачки в Новом Орлеане.

– Удачи с гробами!

Туристка вытаращила глаза, схватила пакет и буквально выскочила из магазина. Мэтт не мог сказать, что сожалел, но признавал, что последняя фраза звучала слишком.

Время приближалось к перерыву, поэтому Мэтт повернулся к старушке, чтобы узнать, чем ей помочь... но ее не было. Пустое место и нетронутый домик на витрине.

Мэтт вздохнул. Теперь понятно, почему туристка так перепугалась. Она-то призрака не видела.

Закрыв магазин, Мэтт перешел с улицы с английским названием на улицу с французским – ему нравился этот контраст. Новый Орлеан родился портом, в котором смешивались культуры, а места так и вообще получали имена в зависимости от того, чей флаг реял над городской ратушей.

Мэтт мысленно усмехнулся, перебежав на другую сторону улицы. Так выражалась бабушка: не «люди называли», а места «получали имя». Коренная ирландка, она любила рассказывать истории внукам и оставалась упрямой и непреклонной до самой смерти. Учитывая стальной характер деда Бернарда, Мэтт не понимал, как они уживались.

Отец однажды сказал, что просто любили друг друга.

Имя Даниэлю выбирал сам Бернард, придерживаясь старой семейной традиции: первенца должны звать на французский манер, чтобы подчеркнуть древние корни. А вот для Мэтта они долго не могли определиться с именем – до самого рождения. Тогда Даниэль заявил:

– Это Мэтт.

Все согласились. А бабушка ворчала, что предпочла бы что-то более ирландское, но не смела возражать тому, что «пришло», – по крайней мере, так говорили в семье. Зато предания родной земли она потом рассказывала Мэтту вечерами. Может, именно поэтому он любил книги.

На обед Мэтт предпочитал не уходить, но с утра позвонила Хэйзел и настойчиво попросила о встрече. Зная ее, она могла как расстаться с очередным партнером и торопиться пожаловаться, так и купить на аукционе редкое издание «Алисы в Стране чудес».

На улице – на этот раз авеню с испанским названием, и такая страница была в истории Нового Орлеана – располагалось аж несколько заведений, на любой вкус. Традиционная кад-жунская кухня, средиземноморская, испанская и мексиканская. Причем последние два ресторана агрессивно смотрели друг другу в окна. Хэйзел заявляла, что всё это для туристов, и назначала встречи, когда они обедали вместе, в небольшом баре «Дом на Байу».

Не поднимая головы, Мэтт нырнул в помещение, где всю работу выполнял кондиционер. Местом владел креол, который часто сам стоял у стойки, с удовольствием болтая. Мэтт брал обычный стейк с картошкой, попросил его и сегодня, сразу сделав заказ для Хэйзел.

Уселся в дальний угол, попробовал пиво и покосился на голову аллигатора, взиравшую стеклянными глазами со стены над баром.

По крайней мере, чувело точно настоящее. А вот по поводу людей Мэтт не мог быть уверен. Та старушка в магазине немного выбила из колеи. Кто знает, вдруг эта семейная пара с ребенком, которые едят вафли, на самом деле вдвоем, а маленькая девочка всего лишь призрак? Или вот тот мужчина, который сидит в одиночестве, не поднимая голову от тарелки и с увлечением поедая обед.

Иногда призраки стоят и таращатся. Но чаще пытаются делать то же, что и при жизни.

Мэтт выругался, про себя и очень витиевато. Он ненавидел это ощущение, когда не мог отделить живых людей от мертвецов. Обычно у него неплохо выходило. Хотя в последнее время он предпочитал хлестать литрами травяной чай, который притуплял это виденье. Но у

Даниэля чая не было, сегодня Мэтт его непил... может, из-за долгого игнорирования призраков восприятие усилилось.

Проклятье!

– О, ты что такой недовольный?

Мэтт настолько увлекся размышлениями о мертвецах, что не заметил, как вошла Хэйзел и теперь встала у столика, уперев руки в бока.

Шорты не скрывали стройных ног, на майке кислотного цвета красовались по меньшей мере пятки разноцветных бус. Когда-то у Хэйзел была длинная коса, но сейчас она стригла волосы в неровное каре и выкрашивала в яркие цвета, сегодня – в бруснично-красный. Задрав на макушку солнечные очки, она рассматривала Мэтта.

– Я такой же, как всегда, – проворчал Мэтт.

– Ха! И правда. Чего это я.

Кинув на стул сумочку с бахромой, Хэйзел уселась, позванивая многочисленными браслетами, которые украшали ее руки чуть ли не до локтей.

Мэтт и Хэйзел когда-то учились в одной школе и вместе ходили на занятия к мисс Браун в художественный класс. Мэтту нравилось рисовать тушью или ощущать в пальцах уголек. Он не воспринимал рисование серьезно, но оно помогало очистить голову, – к тому же, когда смотришь на лист бумаги, точно не увидишь призрака.

Хэйзел интересовалась куда больше. После школы она поступила в колледж и стала иллюстрировать детские книжки, между делом успевая крутить романы. Их дружба с Мэттом оставалась чем-то устойчивым, что заземляло обоих.

По крайней мере, так хотелось думать Мэтту.

Когда Хэйзел принесли кофе, она втянула латте через трубочку, но в тот же момент ткнула в Мэтта пальцем:

– А это откуда? С кем успел поцапаться?

Мэтт невольно коснулся лба, на котором пластырь надежно скрывал рану. Принесли еду, на несколько мгновений лишив необходимости отвечать, но на самом деле Мэтт очень хотел рассказать. Всё ведь отчасти вина Хэйзел.

– А кто послал меня к Пайпер? – Мэтт постарался вложить в голос весь скопившийся яд. – Не хотела возвращать вещи своей подруге и послала меня!

– Ты же согласился, – парировала Хэйзел. – А у меня слишком плохие воспоминания! Я бы этой девчонке глаза выцарапала. Она мне изменяла!

– Да-да, и ты порвала с ней. А меня послала вернуть вещи.

– Попросила. По-дружески.

Хэйзел часто меняла партнеров. Обычно это были мужчины, иногда женщины. Мэтт знал их по рассказам, но с Пайпер виделся, она училась в той же школе.

Хэйзел невозмутимо накалывала на вилку кусочки мяса из рагу, а Мэтт чувствовал всё большее раздражение. Он не торопился приступить к стейку. Вместо этого наклонился к Хэйзел, и плохо скрываемое негодование так и сочилось из его слов:

– И ты не предупреждала, что там будет Себастьян.

– А-а-а, ее братец-гондон.

– Он меня и разукрасил. Хотя сначала я ему хорошенько врезал.

Хэйзел кивнула и указала вилкой на руку Мэтта:

– Полностью поддерживаю твои действия. А теперь, будь добр, используй нож по назначению.

– Ты знала, что Себастьян там будет.

– Ну... подозревала. Но не стала говорить. Я же не была уверена на сто процентов!

Внутри Мэтта клокотала ярость, хотелось что-нибудь разбить, и он заставил себя остановиться, несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть. И приняться наконец за несчастное мясо, скрежеща по тарелке так, будто собирался и ее разрезать.

Спокойствие не было сильной стороной Мэтта. То есть он хотел бы быть невозмутимым, но находилось слишком много вещей, которые его... трогали. Да и рассудительностью Мэтт не отличался.

По крайней мере, его давно не задерживала полиция. Он работал над собой!

Мать говорила, что в Мэтте проявилась ирландская кровь. У нее при этих словах отчетливо звучало неодобрение: набожная католичка Мэри не понимала всех «безумств», как она называла. Отец посмеивался, он вроде бы по молодости тоже не был паинькой.

Даниэль не высказывался неодобрительно о поступках брата, а Мэтт немного завидовал его умению держать себя в руках. Но на всю жизнь запомнил, как бабушка однажды сказала, что Дану попросту пришлось таким быть из-за лоа. Чтобы не ослаблять контроль.

– А иначе что? – с вызовом спросил тогда Мэтт. Он видел, как лоа выполняли поручения Дана, приносили ему мелкие вещи, подслушивали.

– Лоа сведут с ума.

С призраками хотя бы можно не обращать на них внимания. Им глубоко плевать как на спокойствие Мэтта, так и на его силу воли.

Принесли новый кофе для Хэйзел и еще пиво для Мэтта.

– Это гри-гри? – спросила Хэйзел, кивая на амулет на груди Мэтта и явно желая перевести тему. – Не видела, чтобы ты их носил.

Мэтт пожал плечами.

– Что в нем? – не унималась Хэйзел. – Крысиный хвостик, немного могильной земли, человеческий позвонок?

– Точно ничего человеческого. Я такое не терплю.

Хэйзел знала и о семье Мэтта, и о его даре. Она принимала это как само собой разумеющееся, может, именно поэтому Мэтт и дружил с ней столько лет. Человеческие кости он терпеть не мог, к ним слишком часто цеплялись ошметки призраков.

Даниэль об этом знал, так что, скорее всего, сделал колдовской мешочек на защиту из земли и животных. Судя по запаху, наверняка еще из трав, хотя это больше по части Мэтта.

Когда вчера Даниэль вручил ему гри-гри между поеданием кусков пиццы, Мэтт даже растерялся. Видимо, к своим плохим предчувствиям Даниэль относился максимально внимательно.

Убрав мешочек под футболку, Мэтт повторил:

– Травы, земля... ничего особенного. Гри-гри сделал мой брат.

– О нем-то я и хотела поговорить.

– О Даниэле? – искренне удивился Мэтт. Конечно, Хэйзел с ним знакома, но они толком не общались.

– Точнее, об истории, в которую он влип. Ты же знаешь, что мой кузен Уилл работает в полиции?

– Да, помню. Патрульным?

– Он любопытный и в курсе всего. А я люблю слушать его истории! Сейчас всё отделение взбудоражено трупом Бенджамина Тайлера.

Мэтт удивился, но попытался не показывать, как наострил уши. Вот, может же казаться спокойным, когда надо. Хэйзел, правда, и не обращала внимания. Она взмахнула рукой, отчего звякнули многочисленные браслеты:

– Конечно, всё смыло дождем, но криминалисты уверены, его убили на Марселевом перекрестке, а потом оттащили труп к болоту. И не просто убили. Там проводили ритуал.

Мэтт пожал плечами и даже не пытался скрыть разочарования. Бен сам заявлял, что нашел кого-то для обряда, ничего неожиданного.

– Дальше интереснее, – заговорщицки продолжала Хэйзел. – Рядом есть магазин. И его хозяин вспомнил Бена! Он заходил вечером перед смертью. Один, но тот, кто с ним был, мог остаться снаружи. Бен взял соль. Похвастался, что будут проводить ритуал. Заявил, что его спутник – Даниэль Эш.

Сначала Мэтт удивился. А потом вспомнил Бена: хвастливого, самоуверенного. Он был в общем-то хорошим парнем, но если его задело, что Даниэль отказался проводить ритуал, мог и приврать. В конце концов, Дан хоть и редко работал для кого-то, но был известен в определенных кругах. А может, именно поэтому и был.

– Это же вранье, – сказал Мэтт. – Хозяин магазина не видел Даниэля.

– Нет. Поэтому его свидетельство нельзя использовать. Но полиция копает в этом направлении.

Если вчера Мэтт не очень-то соглашался с Даниэлем, что им стоит выяснить, что произошло, то теперь причины казались серьезнее. А происходящее всё меньше нравилось.

Положив голову на руку, Хэйзел задумчиво посмотрела на Мэтта:

– Ты уверен, что твой брат не замешан?

– Конечно.

Хэйзел пожала плечами, как будто доверяла суждениям Мэтта – или ей всё равно. Возможно, если бы Мэтт сказал, что Даниэль убил Бена, Хэйзел бы ничуть не удивилась, и это никак не изменило ее настроения или восприятия. Отчасти можно позавидовать.

От еще одного кофе Хэйзел отказалась и вместе с Мэттом взяла обычный чай. Они быстро расправились с первыми чашками. На самом деле, Мэтт задумался и даже не заметил, как всё выпил. Он крутил чашку в руках, когда Хэйзел спросила:

– Умеешь гадать?

– Что?

– По чаинкам.

Мэтт покачал головой:

– Бабушка умела. Пока дед общался с лоя, она гадала на камнях и веточках.

– От деревьев, что ли?

– У нее был целый набор в мешочке. Она предсказывала будущее по виду дерева, которое вытаскивала.

– Звучит... забавно.

Мэтт улыбнулся:

– Так и было. Больше развлечение, нежели настоящее гадание. Хотя кое-что серьезное она тоже умела.

Воспоминания не были приятными. Остальная семья не хотела знать будущее, а вот Мэтт постоянно доставал бабушку. Пока она не сдалась и не зажгла свечи для него одного, заставила вглядываться в темную воду и произносила древние ирландские слова, значения которых Мэтт не знал.

Ничего особенного или шокирующего бабушка не нагадала. Но Мэтту не понравилось само ощущение. Будто бы его жизнь заранее предопределена и его действия ничего не значат. Он не мог с этим согласиться. И кажется, до сих пор доказывал, что всё вовсе не так.

Он может обходиться и без «семейного наследия». Он сам выбирает будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.